

БОБ-ДОП

На лестничной площадке четвертого этажа химфака стоял мощный дубовый стол. Пока в лаборатории качественного анализа упаривались наши растворы и прокаливались фарфоровые тигли, мы на этом столе резались в боб-доп. По три игрока от каждой команды садились за стол, напротив друг друга, и бросали жребий, определяя, кому начинать. Капитан одной из команд брал в руку пятак, стучал им по краю стола и прятал его под стол, где у него на коленях уже лежали четыре раскрытые ладони сидящих по бокам игроков.

Капитан команды противников говорил: «Боб!»

И другой капитан стучал монетой по краю и снова прятал её под стол.

«Доп!» – и процедура повторялась.

«Руки на стол!» – резко приказывал капитан и в команде противников другой капитан быстро передавал кому-то или оставлял себе монету, все трое игроков дружно выбрасывали вперед сжатые кулаки, в одном из которых находился пятак, и со страшной силой одновременно грохали ладонями о поверхность стола.

Теперь задача капитана противников состояла в том, чтобы определить, под какой ладонью находилась монета. Обычно у слабой команды слышен звон монеты под неопытной рукой. У команды посильнее игроки сбивали противника с толку полной синхронностью и оглушающей силой удара. Грохот действительно получался колоссальный. Студенты и преподаватели, проходящие мимо или на другом этаже, сильно пугались, думая, что рухнуло перекрытие. Однако в опытной команде всегда был игрок, как правило, сам капитан, который так умел хлопнуть пустой ладонью по столу, что раздавался звон как от монеты. В командах высокого класса таких умельцев было двое или трое. Игроки команды противников должны были выполнять только команды чужого капитана, который, действуя методом исключения, определял сначала «пустую руку» и предлагал ее убрать. Если капитан ошибался и под ладонью оказывалась монета, то его команда проигрывала, пятак оставалась у противников, которым начислялся один «кол». Команда, первая набравшая десять колов, считалась победившей. Как в волейболе или теннисе, разница в очках при победе одной из команд должна была быть не меньше двух, так что игра сильных или равных команд иногда заканчивалась с довольно крупным счетом.

Очень часто опытные игроки из отгадывающей команды «покупали» неопытный молодежь, приказывая «убрать руку» или «отдать монету», и те, забыв, что должны слушать только капитана, а не игроков команды противников, поднимали руки, а потом сильно обижались.

Я был капитаном самой сильной на нашем факультете, а может быть и в университете команды по боб-допу. Мы трое – я, Володя Абрамов и Мишка Федоров были синхронизированы как часы. Угадать у нас монету было чрезвычайно трудно. Во-первых, мы все трое умели «звенеть» пустой ладонью, во-вторых, каждый из нас мог свободно приподнять ладони над столом и прилипшая к одной из них монета не отваливалась значительное время. Мой личный рекорд составлял почти минуту. Противника очень смущало, когда все три игрока вдруг поднимали ладони, держали их так минуту горизонтально над столом, а потом сжимали в кулаки. Конечно это производило впечатление в основном на слабаков. Когда мы играли со

сборными других факультетов, там были такие «волки» – особенно физики, что им «палец в рот не клади» – откусят по локоть.

Но и тут мы были на высоте. Правилами разрешалось поднимать и соединять вместе на пять секунд ладони как для одного игрока, так и между игроками и быстро разъединять их – либо сжимая кулаки, либо снова ударяя ладонями об стол. Этот приём позволял переключать монету из руки в руку, если её засекали, или передавать от игрока к игроку. Для игры на университетском уровне это было очень важно. Чуткие, как звери, опытные химики сходу определяли, под какой ладонью находится монета именно в момент первого удара. Мы же через секунду поднимали руки и соединяли ладони друг с другом в сложной перекрестной комбинации, передавая монету от одного игрока к другому. Запутав противника, мы снова ударяли ладонями о стол, «звеня» пустой рукой. Сбитый с толку капитан противника обычно был вынужден подать команду «замереть», чтобы зафиксировать руки. Такое решение считалось проявлением слабости команды, так как опытные «волки» всегда давали противнику красоваться, сколько те пожелают, и предоставляли им возможность ошибиться самим.

Народу вокруг игрового стол набралось множество. Во время одной из партий к нам подошла делегация от химиков и предложила сразиться на пиво. Команду химиков возглавлял опытный, как Акелла, Леня Неймарк, у нас капитаном был я.

Ход достался химикам. Они удивительно «чисто легли», грохнув ладонями так, что задрожали стены, и несколькими молниеносными передачами монеты от игрока к игроку из ладони в ладонь, сбили нас с толку. В нашей команде было правило для игроков: если не знаешь точно, под какой ладонью противника находится монета, не мешай капитану советами. Абраша с Мишкой молчали и даже не пытались брать игроков «на понт» – не тот уровень. Я слегка растерялся и на третьей руке ошибся. Химики блестяще воткнули нам кол и заработали аплодисменты своих болельщиков.

Мы собрались. Как только химики «легли», Абраша толкнул меня в пятку левой ноги. Это означало, что монета находится у сидящего напротив него игрока под левой рукой. Чтобы не дать химикам финтить, я быстро зафиксировал их руки и отобрал монету. Ход перешел к нам, и мы выиграли четыре раза подряд. Болельщики химиков молчали, а наши распоясались и стали насмехаться над игроками противника, чего делать никогда не следует.

Химики оборзели, быстро отобрали у нас монету и воткнули нам пять колов подряд. Болельщики взвыли. От мощного удара химиков, усиленного дружным воплем обезумевших болельщиков, рухнул стол – не выдержали ножки. Вот это класс! Мы посрамлены. Ликованию болельщиков химиков не было предела – такой успех случался редко. Перешли на площадку третьего этажа. Мы, разозлившись, сразу без всякого блефа отобрали монету. На новом столе для химиков играть непривычно. Мы предприняли жалкую попытку повторить успех химиков, но только отбили ладони о толстую дубовую столешницу, сломать которую так же безнадежно, как пробить головой метровую кирпичную стену здания Двенадцати коллегий.

Наверху, как раненая птица, истошно закричала комендант, обнаружившая на лестничной площадке сломанный стол. Мы быстро разбежались в разные стороны.

Формально лавры химиков достались нам: комендант сообщила в наш деканат, что стол сломали геологи.

Через двадцать минут продолжение партии. Мы шли ноздря в ноздю – счет ничейный. После очередного удара химиков из деканата выскочил замдекана, но наблюдательные посты вовремя его засекли и не дали возможности застукать игроков за столом. Когда он появился на площадке, мы уже бежали вниз по лестнице в подвальный этаж.

– Варвары! – гулко донеслось до нас сверху. – В храме науки!

Нас сгоняли со стола еще несколько раз. Счет по-прежнему ничейный. Мы сражались, как львы, и вырвали победу в первой партии у сильнейшего противника. Проигравшие химики выкатили нам три бутылки пива и ещё должны были теперь носом везти монету по периметру большого стола. Без тренировки задача эта совсем не простая. Дело в том, что если проигравший оторвал от монеты нос хотя бы на секунду или случайно уронил её, то должен вернуться на стартовую позицию и начинать всё сначала.

С первого раза химики потерпели неудачу: кто уронил монету на пол, кто оторвал нос. На втором заходе вперед вырвался шустрый химик, решивший пожертвовать своим носом. Он сильно прижал монету к столу и, не останавливаясь, потащил ее вперед, сопя и мечтая о том, что скоро всё кончится. И тут я, совершенно случайно, уронил на пол игровой пятак. Лидер, потерявший всякую чувствительность в носу и уже не разбирающий, толкает он монету или нет, в испуге поднял голову. Он был уверен, что это зазвенела его монета и тупо уставился на пятак, лежащий на месте. Затем он свирепо посмотрел на меня, увидел пятак на полу и все понял. Я сочувствующе развел руками, выражая ему своё искреннее сожаление по поводу досадной случайности. Химик вернулся на стартовую позицию.

Наконец все химики прошли дистанцию. Пришло сообщение, что наверху поставили новый стол. Все рванули посмотреть. Комендант оказалась на высоте. Игроки и болельщики высоко оценили имеющийся в её распоряжении инвентарь: этот снаряд не стыдно было выставлять даже на международных соревнованиях по боб-допу, если бы такие проводились. Умели же раньше делать вещи.

Вторую партию мы играли на новом снаряде. Накал борьбы страшный. Счет просто сумасшедший: тридцать пять на тридцать четыре в пользу химиков. Сказалась усталость: при выполнении сложного финта в момент передачи монеты Мишка повредил палец и нам, согласно правилам, разрешили произвести замену. За стол сел Серёга Володько.

Мы снова отобрали монету, и тут я применил домашнюю заготовку. Когда руки находились под столом между командами «боб» и «доп», я с силой вдавил край пятака себе в ладонь так, чтобы от него на коже остался глубокий след. По команде «руки на стол» я передал монету Абраше, а сам громче всех зазвенел «пустой» ладонью с отпечатком монеты. Через секунду я поднял ладонь и прихлопнул ее ко лбу, демонстрируя высший пилотаж. С силой прижимая ладонь положенные пять секунд, я оторвал руку ото лба и грохнул ею о стол. На моем лбу остался еле заметный след красного кружка, отпечатавшийся с ладони. Капитан сразу заметил след от монеты и быстро, указав на мою руку, потребовал «отдать монету».

Под овации наших болельщиков мы вырвали кол, но второй раз купить химиков уже невозможно. На площадку выбежал заведующий лабораторией качественного анализа и погнал нас всех вниз. Комендант устроила на нас охоту и действовала из засады, пришлось выставить двойное охранение. Играть не было никакой возможности, матч был на грани срыва. Пойти на приглашение болельщиков смыться в укромное место и поменять снаряд, никто не согласился, слишком ответственный момент.

Улучив минуту, когда комендант спустилась на первый этаж по ложному телефонному вызову, мы сели за стол. Болельщики в экстазе.

Мы «легли» и тут же потеряли монету. Химики под вой своих болельщиков воткнули нам победный кол. Ликованию противника не было предела, все поздравляли друг друга как при получении красного диплома с отличием. Снизу, сердито пыхтя, поднималась на четвертый этаж разозленная комендант.

Мы стояли проигравшие, но не побежденные и ждали, что химики назначат нам для исполнения проигрыша. Они пили выигранное пиво и, сдвинув в кучу свои потертые носы, тихо совещались.

Задание, на первый взгляд, было простое – надо за пятнадцать секунд сбегать в лабораторию, набрать в рот воды, вернуться и булькать, задрав вверх голову ровно десять секунд. На первом круге мы бежали очень быстро, сбили дыхание и захлебнулись водой во время бульканья. В зачет это нам не пошло. Мы снова на старте, а химики с секундомером. Как тайфун, ворвались мы в лабораторию и я, схитрив, сразу завернул к раковине около входа за дверь, которую заметил заранее, с трудом открыл грязный кран и мне в рот потекла теплая ржавая застоявшаяся вода. Серёга с Абрашей помчались дальше в другой конец лаборатории. К несчастью, им навстречу попался заведующий лабораторией. Серёга нечаянно столкнулся с ним, и оба упали. На глазах изумленного преподавателя Серёга бодро вскочил, набрал в рот воды из крана и убежал. Абраша хотел, было, помочь встать упавшему преподавателю, но тот цепко схватил его за пиджак с явной целью задержать. Абраша вырвался, набрал в рот воды и тоже убежал. На лестничной площадке мы дружно забулькали по хронометру, и химики зачли нам проигрыш. Я чуть не захлебнулся и случайно проглотил ржавую воду.

Из лаборатории донёсся предупредительный крик и нам пришлось опять бежать вниз от разъяренного препода.

Через полчаса завлаб сделал обход лаборатории и внимательно разглядывал студентов, надеясь опознать хулиганов, сбивших его с ног. Серёга для камуфляжа запихнул за щеки два фарфоровых тигля и с такой рожей даже родная мать не признала бы в нем любимого сына. Абраша оттопырил нижнюю губу и придал лицу удивленное выражение обезьяны, которая сидит под проливным дождем и не понимает, как ей в рот попадает вода. Я скосил глаза к переносице и склонился над тетрадкой в позе роденовского «мыслителя». Так нас и не опознали.